

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

АЛЕКСАНДРА АРХИПОВА

АННА КИРЗЮК

ОПАСНЫЕ СОВЕТСКИЕ ВЕЩИ

ГОРОДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ И СТРАХИ В СССР

63.3(2)6

A87

СА-401118

АЛЕКСАНДРА АРХИПОВА
АННА КИРЗЮК

ОПАСНЫЕ СОВЕТСКИЕ ВЕЩИ

ГОРОДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ
И СТРАХИ В СССР

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА

✓

2022

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

СА-401118

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. О чем эта книга?	5
Благодарности	12
Глава 1. Что такое городская легенда и зачем ее изучать?	14
Новое рядом: как открыли городскую легенду	14
Интерпретативный подход: легенда как симптом или лекарство	25
Меметический подход: легенда как вирус и возбудитель эмоций	36
Операциональный подход: как воздействует легенда	49
Как мы анализируем советскую городскую легенду	61
Как мы собирали городские слухи и легенды	62
Был ли плач по Сталину? Как мы воспринимаем истории о советском прошлом	70
Глава 2. Опасные знаки и советские вещи	74
Невидимый враг, скрытый знак и семиотическое вредительство	75
В поисках профиля Троцкого: эпидемия гиперсемиотизации 1930-х	101
Дома со свастиками: опасные гиперзнаки после Большого террора	125
Мао из гроба встает: светящиеся ковры и «китайская угроза»	145
«Москау, Москау, закидаем бомбами!»: последний всплеск гиперсемиотизации	152
Когда мы видим знаки там, где их нет?	157
Глава 3. Как легенда стала идеологическим оружием	160
О распятых мальчиках и подделках «под фольклор»	160
Пересборка «государственного контроля»: от уничтожения носителей к коррекции содержания	169

Первая агитлегенда: кто автор анекдотов о Чапаеве? . . .	177
Вторая агитлегенда: борьба с двойной лояльностью	185
Третья агитлегенда: борьба с унижающим и обманчивым даром	190
Новая агитлегенда и старый страх	208
Глава 4. Свои чужие опасные вещи	211
Чистота и опасность по-советски, или Зачем играть в сифака	211
Крыса в колбасе: как возникает культура недоверия	217
«Сифилизатор»: городская ипохондрия и опасные общественные места	238
Ноготок в пирожке, или Свой и чужой каннибал	250
Ужасное мыло: геноцид и военные страхи в одном куске	270
Откуда пошел «джинсовый дерматит», или Опасное обаяние западной вещи	292
Глава 5. Чужак в советской стране	307
Зубные черви: тело чужака и колониализм наоборот	307
Жуки и холера: техники скрытого заражения	323
Смерть вместо прививки: коварная услуга врачей-убийц	341
Отравленная жвачка: опасный дар иностранцев	364
Заразное тело, опасная услуга и коварный дар: эволюция внешней угрозы и типов чужаков	372
Глава 6. Взрослые страхи и детские легенды	375
Чем опасна черная «Волга», или Загадочное исчезновение навсегда	375
Почему дети играли в «красную пленку»: паноптикон в школьном коридоре	399
Если ты в красном, это опасно: слухи о маньяках	428
Фольклор в ожидании катастрофы: страхи, слухи и песни о будущей войне	438
О власти и смерти глазами детей	465
Послесловие. Что было советского в советской легенде?	467

Сюжеты городских советских легенд об опасных вещах	474
1. Легенды о пророчествах и проклятых местах	475
2. Легенды о тайных знаках, оставленных врагами	475
3. Легенды об иностранцах и иностранных вещах	476
4. Легенды об опасных действиях со стороны представителей власти и спецслужб	480
5. Внутренние враги вредят советскому человеку	481
6. Опасная еда, одежда и продукты гигиены	485
Краткий указатель терминов	487
Примечания	488
Сокращения	506
Литература и источники	507
Список иллюстраций	532

Предисловие
О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

«Ну и зачем вы, девочки, изучаете такую ерунду, кому это нужно?» — спросил нас на российской конференции один историк. У нас достаточно самоиронии, чтобы задать себе тот же самый вопрос, а заодно и вспомнить Николая Васильевича Гоголя, который в заключении к повести «Нос» написал: «Но что страннее, что непонятнее всего, — это то, как авторы могут брать подобные сюжеты. Признаюсь, это уж совсем непостижимо, это точно... нет, нет, совсем не понимаю. Во-первых, пользы отечеству решительно никакой; во-вторых... но и во-вторых тоже нет пользы».

Сюжеты, о которых пойдет речь в этой книге, выглядят не намного более правдоподобными, серьезными и значительными, чем «необыкновенно странное происшествие», рассказанное Гоголем. Мало того, если одни наши собеседники, бывшие жители СССР, наперебой вспоминают истории о жвачках, коварно отравленных иностранцами, или об американских джинсах со вшами, то другие с недоумением пожимают плечами и говорят, что никогда не слышали подобной чуши. Некоторые даже считают, что все эти истории мы выдумали сами, как, например, наш респондент 1952 года рождения:

У меня как и у многих моих сверстников было счастливое советское детство, все ваши вопросы страшилки из настоящего, а по отношению к прошлому они антиисторичны, антинаучны и мифологичны¹.

К сожалению, такие «антиисторичные, антинаучные и мифологичные» истории действительно существовали, но к написанию этой книги нас побудил не всплеск эстетической любви к страшным историям. Рассказ, который в 1980-х годах слышала наша московская собеседница, — будто бы соседка ловит детей, сцеживает из них кровь и наполняет ею стержни для шариковых ручек, чтобы их продать², — кажется нелепой детской страшилкой. Однако ее истоки — это легенда о «кровавом навете» (обвинение евреев в ритуальном убийстве детей), и она совсем не такая безобидная. В советское время легенда теряет свою религиозную составляющую — в секуляризированной версии похищение детей происходит, потому что евреям просто «так надо» или они преследуют свои корыстные интересы. В 1950 году в Москве толпа собралась линчевать несуществующую банду евреев, которые ловят детей, сцеживают кровь для «таблеток от омолаживания», а мясо продают на рынке³. В 1958 году в литовском городе Плунге, после того как шестилетний ребенок рассказал ту же самую легенду о похищении девочки для получения крови, толпа в шестьсот человек чуть не растерзала соседа-еврея, на которого указал мальчик⁴. Сейчас, в 2017–2019 годах, мы постоянно видим в соцсетях предупреждения об опасном американском или израильском парацетамоле с проволокой внутри: «Сейчас производят и продают в аптеках парацетамол

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация источников сохранены, за исключением очевидных опечаток.

производство Израиля. Который содержит в себе железную ядовитую проволоку. Которая приводит к смерти»⁵. Но этот сюжет совсем не нов: в феврале 1953 года сразу в нескольких украинских городках люди штурмовали больницы, требуя наказать врачей, которые будто бы дают им таблетки с проволокой внутри, а также заражают детей болезнями через прививки и снабжают аптеки ватой, зараженной тифом (см. подробнее с. 355–363).

В 1937 году советских граждан преследовал плохо понятный нашему современнику страх: они повсюду — то на срезе колбасы, то на зажиме для пионерского галстука — видели свастику или профиль Троцкого. Сейчас это тоже кажется нам нелепостью, но тогда этот слух стал поводом для закрытия фабрик, увольнения и ареста многих людей.

Хорошо, такие истории действительно существовали, — скажет наш воображаемый оппонент. Однако, возвращаясь к Гоголю: в чем польза отчеству? Зачем изучать подобные «страшилки»? И зачем их изучать именно антропологам и фольклористам?

Фольклористы называют такие истории — фактически ложные, но правдоподобные для рассказчика — *городскими легендами*. Их действие разворачивается в настоящем, в недалеком прошлом или в недалеком будущем, в привычных для аудитории реалиях. Не будет большим упрощением сказать, что городская легенда — это тот же слух. Если кратко (детали описаны в первой главе), то различие между ними состоит в том, что слух представляет собой короткое сообщение, а городская легенда — более или менее развернутый рассказ. Для нас это различие между слухом и легендой в целом не важно. Наша цель — ответить на вопрос о причинах возникновения и популярности таких историй, поэтому мы спрашиваем себя в первую очередь о том, почему сама *идея*, например о существовании

иностранцев-отравителей, оказалась важной для распространения.

Конечно, историки тоже изучают советские слухи, но для них такие тексты являются, как правило, прямым отражением общественных настроений. Например, антиколхозные слухи 1920-х годов («в колхозе жены общие», «все ставят печать Антихриста») рассматриваются как прямое свидетельство массового нежелания крестьян идти в колхозы. В подобном ключе с советскими слухами работают, в частности, авторы сборника «Слухи в истории России» под редакцией Игоря Нарского⁶. Однако если антиколхозные легенды и поддаются такому прямолинейному объяснению, то легенды о черной «Волге», ворующей детей, или о красной пленке, которая позволяет видеть людей голыми, невозможно прямо объяснить отражением массовых протестных настроений.

Мы же, антропологи и фольклористы, считаем, что легенда не просто отражает реальность, но позволяет человеку (рассказчику или слушателю) совершить некую «работу» с этой реальностью, артикулируя наличие проблемы или символически решая ее.

В 2004 году американский фольклорист Дайан Голдстейн, изучая легенды о ВИЧ-инфицированных иголках, которые будто бы поджидают ни о чем не подозревающих людей в креслах кинотеатров или в ночных клубах, замечает, что во всех таких рассказах заражение происходит без сексуального контакта, в общественном пространстве, а антагонистом является анонимный чужак. В то же время современная этим историям медицина убеждает горожан, что источником заражения ВИЧ может стать сексуальный партнер (в том числе и постоянный). Таким образом, истории об опасных иголках экстернализируют риск и утверждают нечто противоположное тому, что утверждает специалистами: «опасность

исходит от общественных мест и анонимных чужаков». Подобные легенды дают возможность обществу сопротивляться власти официальной медицины и изобразить реальность такой, какой бы ее хотела видеть аудитория легенды⁷.

Таким образом, для нас связь события и текста легенды не всегда такая прямая, как это кажется историкам. Если житель СССР был недоволен происходящим, он необязательно распространял «порочающие слухи о руководителях партии и правительства» (как написали бы в приговоре сталинской эпохи). Так, в 1953 году один тракторист был недоволен происходящим в стране (голодом, нищетой, произволом начальства и социальным неравенством), но верил родной партии и лично товарищу Сталину, поэтому виновниками всех бед послевоенного СССР он назначил евреев. Он послал в Политбюро (Политбюро *de facto* являлось верховным государственным органом) анонимное письмо, в котором рассказал о тайной еврейской жене Сталина, которая «на самом деле» подчинила себе вождя и всем заправляет, и о евреях, которые хотят погубить русский народ⁸. Такие легенды помогли нашему трактористу (который недолго оставался анонимным) решить сразу две задачи: они дали понятное и непротиворечивое объяснение ситуации и одновременно указали, на какой объект можно направить накопившийся гнев.

Слухи и городские легенды, в том числе и *страшные истории*, возникают и распространяются потому, что люди в них нуждаются. Вся наша книга по сути посвящена трем вопросам: как в СССР возникали тексты об опасных вещах, объектах и явлениях, по какой причине они становились популярными и как они влияли на поведение людей. Поэтому читатель не найдет в ней историй про «красную руку», хватающую спящих детей, или про наделенный способностью к самостоятельному

передвижению «гроб на колесиках». Подобные объекты, о которых многие слышали в детстве во время обмена страшилками в летних лагерях, отличаются от «опасных вещей» из нашей книги своей сверхъестественной природой: никто никогда не видел на городской улице «гроб на колесиках», но все жители позднесоветского города сталкивались с черной «Волгой». Мы будем говорить об опасности тех вещей и явлений, с которыми советский человек регулярно имел дело в своей повседневной жизни — будь то зажимы для пионерских галстуков или автоматы с газированной водой.

Конечно, мы не первые в мире изучаем городские легенды и объясняем причины их возникновения и бытования. Но другие исследователи задавали вопросы применительно к другим, не советским текстам, и делали это, как правило, не на русском языке. Именно поэтому мы решили не ограничиваться кратким теоретическим обзором, а написать отдельную главу (она открывает нашу книгу) — о том, как антропологи, социологи и фольклористы пытались и пытаются объяснить, почему существуют городские легенды.

Остальные пять глав — тематические*, но выбор тем не случаен. Вторая и третья главы рассказывают о городских легендах, распространение которых было инициировано «сверху». В главе «Опасные знаки и советские вещи» речь идет о сюжетах, которые появились благодаря официальной пропаганде эпохи Большого террора, призывающей граждан разоблачать происки вездесущих «врагов», а в главе «Как легенда стала идеологическим оружием» говорится

* Анной Кирзюк написаны разделы на с. 25–36, 217–249, 292–322, 364–371, 375–398, 428–437, а Александрой Архиповой — на с. 150–217, 250–291, 323–363, 438–465, 467–471, остальной текст книги написан совместно. С. 74–124 — это переработанный и дополненный вариант статьи Александры Архиповой и Елены Михайлик (Архипова, Михайлик 2017).

о том, как советские пропагандисты начали использовать слухи и легенды для влияния на «настроения населения».

Четвертая, пятая и шестая главы рассказывают о городских легендах, которые появлялись и распространялись между советскими гражданами на «горизонтальном уровне», не по воле властных институтов. Иногда эти легенды подкрепляли утверждения официальной пропаганды, иногда — творчески перерабатывали и дополняли их, а иногда прямо оспаривали. Читатель узнает, какие реалии городской жизни становились предметами пугающих рассказов (глава «Свои чужие опасные вещи»), какие слухи и легенды предостерегали от взаимодействий с чужаками в разные периоды советской истории (глава «Чужак в советской стране»), а также какие недетские страхи нашли отражение в легендах советских детей (глава «Взрослые страхи и детские легенды»).

Конечно, отдельные сюжеты городских легенд оказываются в самых неожиданных местах книги, поэтому мы сделали краткий (и надеемся, что довольно веселый) перечень сюжетов советских городских легенд с отсылками к основному тексту. И, кроме того, в конце книги вы найдете список научных терминов.

Мы старались писать книгу так, чтобы исследования антропологов и фольклористов были понятны всем, а не только узким специалистам. Добились ли мы этой цели — судить вам, дорогой читатель.

Глава 1

ЧТО ТАКОЕ ГОРОДСКАЯ ЛЕГЕНДА И ЗАЧЕМ ЕЕ ИЗУЧАТЬ?

Прежде чем перейти к советским легендам об опасных вещах, мы должны сказать о том, что вообще такое городская легенда и почему ее важно изучать. Несмотря на кажущуюся несерьезность текстов, которые мы сегодня называем городскими легендами, фольклористы, антропологи, социологи и социальные психологи из Европы, Великобритании и Северной Америки изучают городскую легенду вполне серьезно и довольно давно. Зачем и как они это делают — об этом мы и расскажем в этой главе.

Новое рядом: как открыли городскую легенду

Иногда не надо ехать в дебри Африки или на Северный полюс, чтобы открыть что-то новое и удивительное. Веками поэты и интеллектуалы восхищались древнегреческими эпическими поэмами «Илиада» и «Одиссея» и относились к ним как к единственному известному образцу подобных текстов. Но в XIX веке неожиданно произошло открытие новых эпических памятников, причем не письменных, а устных и живых, и буквально под боком: свой эпос был обнаружен у турецких и монгольских групп,

у карелов и финнов, у южных и восточных славян (для фольклористов и этнографов это примерно то же, что для палеозоолога, который всю жизнь изучал вмерзших в лед мамонтов, а потом обнаружил, что они живы-живехоньки и топчут твой газон ночью).

Примерно такая же история произошла с городской легендой. Ведь она была совсем рядом — ее рассказывали за чашкой чая или кружкой пива, ее приносили молочники и почтальоны, а иногда ее публиковали в газете в хронике происшествий под видом реальных случаев. Но ее не замечали, а заметив — презирали. Почему? Причиной тому стали ее близость и обыденность: этнография и фольклористика XIX века предпочитали изучать нечто «далекое» — или то, что есть у других народов, или то, что есть в отдаленных уголках собственной страны. В романтической традиции под фольклором понимали тексты экзотические, красивые и непременно содержащие в себе «подлинный дух народа», который, как считалось, сохранился только там, где люди не знакомы с высокими литературными образцами. Естественно, тексты, появляющиеся в утренней газете в разделе «Слухи» или «Городская хроника», рассказанные светской дамой или ее модисткой, под это определение не подходили. Но неожиданно в 1852 году в британском журнале *Notes and Queries* появляется статья «Газетный фольклор». Такой заголовок тогда звучал странно (какой такой еще дух народа в газете?) — а речь шла о том, какие удивительные и *повторяющиеся* истории присылают в газету образованные читатели (например, о змее, которую можно обнаружить на своей груди и которая будет тебе помогать). Почти через сорок лет, в 1888 году, во французском журнале *Mélusine*, посвященном сказкам и мифам, открыли постоянную рубрику, где стали собирать и анализировать

Глава 2

ОПАСНЫЕ ЗНАКИ И СОВЕТСКИЕ ВЕЩИ

Погружение в мир советских страхов мы начнем с истории об опасных знаках, которые повсюду искали советские цензоры и обычные граждане в эпоху Большого террора. Политической причиной этих поисков стало изменение образа «врага» в официальной риторике: если раньше в этой роли выступали представители бывших «эксплуататорских классов», которых можно было легко опознать, то теперь читателям советских газет, методичек и инструкций сообщалось, что враг живет среди них — умело замаскированный и совершенно не отличимый от обычных людей. Эта новая концепция требовала от советских людей большей «бдительности», которая заключалась главным образом в умении распознавать знаки, указывающие на присутствие замаскированного врага. Предполагалось, что этот враг, лишенный возможности действовать открыто, занимается тем, что мы называем «семиотическим вредительством», то есть заражает советские вещи знаками своего присутствия. Ожидание «семиотического вредительства» привело к рождению специфической советской практики — поиску скрытых знаков на самых обычных советских вещах и слухам о том, как их найти. Они приняли настолько массовый и панический характер, что после 1937 года власть, что

называется, схватила за голову и попыталась их остановить. Но сделать это было не так-то просто.

В 1960–1980-е годы идея «семиотической опасности» продолжала жить в городских легендах о домах-свастиках, построенных пленными немцами, и о китайских коврах, на которых будто бы высвечивается портрет Мао Цзэдуна. Мы увидим, что хотя позднесоветские сюжеты носят уже не устрашающий, а по большей части развлекательный характер, само представление о том, что вещь может заключать в себе «семиотическую опасность», оказывается очень устойчивым и благополучно переживает конец СССР.

И наконец, в самом конце главы мы обсудим, какие психологические механизмы отвечают за желание (подчас совершенно неудержимое) искать несуществующие знаки.

*Невидимый враг, скрытый знак и семиотическое вредительство**

История, которую мы собираемся рассказать здесь, должна была начаться в 1935 году. Она не могла начаться раньше, как и продолжиться в неизменном виде после 1953 года, когда умер «отец народов». Но чтобы понять все то, что будет рассказано ниже, необходимо вспомнить, что происходило в 1935–1938 годах в СССР. Это период активной борьбы Сталина со своими врагами. Политическая оппозиция уничтожена как явление. Лев Троцкий, главный идеолог социалистического государства, выслан в 1929 году, а к 1935 году становится врагом номер один. Государство рабочих и крестьян уже не первый год держится на системе массовых репрессий против классового врага («попов»,

* Этот раздел и следующий являются расширенной и значительно переработанной версией статьи, написанной в соавторстве с Еленой Михайлик. Предыдущую версию статьи см.: Архипова, Михайлик 2017.

Глава 3

КАК ЛЕГЕНДА СТАЛА ИДЕОЛОГИЧЕСКИМ ОРУЖИЕМ

Из первой главы читатель уже понял, что основное свойство городской легенды — передаваться из уст в уста, распространяться по каналам «горизонтальной» коммуникации независимо от усилий властных институтов. По этим правилам живет не только городская легенда, но и фольклор в целом. Однако у любого правила есть исключения. И одним из таких исключений стала советская городская легенда, которая начиная с 1960-х годов не только рассказывалась на кухнях и в очередях, но и стала орудием отчаянной идеологической борьбы. Истории о том, каким образом это произошло, и посвящена эта глава.

О распятых мальчиках и подделках «под фольклор»

12 июля 2014 года, в разгар военного конфликта на востоке Украины, в вечернем эфире «Первого канала» женщина по имени Галина Пышняк, уроженка Закарпатья, рассказала об эпизоде, якобы произошедшем после вступления украинских силовиков в город Славянск:

На площади собрали женщин, потому что мужиков больше нет. Женщины, девочки, старики. И это называется показа-

тельная казнь. Взяли ребенка трех лет, мальчика маленького, в трусиках, в футболке, как Иисуса, на доску объявлений прибили. Один прибивал, двое держали. И это все на маминых глазах. Маму держали. И мама смотрела, как ребенок истекает кровью. Крики. Визги. И еще взяли надрезы сделали, чтоб ребенок мучился. Там невозможно было. Люди сознание теряли. А потом, после того как полтора часа ребенок мучился и умер, взяли маму, привязали до танка без сознания и по площади три круга провели.

Реакция на эту «новость» о «распятом мальчике» была крайне бурной. Слово «новость» мы заключили в кавычки, потому что немедленно проведенные расследования журналистов «Новой газеты», «Слона» и других изданий показали, что этого события вообще не было: жители Славянска не подтвердили факт столь изуверской казни, совершенной якобы на глазах большого количества людей.

Но наше внимание должно привлечь другое. Весьма похожую историю о распятом мальчике рассказывает героиня романа «Братья Карамазовы», написанного в 1880 году:

Вот у меня одна книга, я читала про какой-то где-то суд, и что жид четырехлетнему мальчику сначала все пальчики обрезал на обеих ручках, а потом распял на стене, прибил гвоздями и распял, а потом на суде сказал, что мальчик умер скоро, через четыре часа. Эка скоро! Говорит: стонал, все стонал, а тот стоял и на него любовался¹.

Федор Достоевский, видимо, почерпнул сюжет о том, как еврей мучает христианского младенца, из современного ему антисемитского фольклора. Форма казни, которую в этом сюжете «жид» выбирает для мальчика, связана с традиционными представлениями, согласно которым «евреи Христа

Глава 4

СВОИ ЧУЖИЕ ОПАСНЫЕ ВЕЩИ

В этой главе мы встретимся с такими «приятными» вещами, как зараженные сифилисом стаканчики из автомата с газировкой, колбаса с крысиными лапками, пирожки с начинкой из детей, джинсы, пропитанные ядом, или мыло, сделанное из убитых в концлагере евреев. Такие вещи, напитки и еда, как правило, имели двойную природу. Они, с одной стороны, были «чужими», поскольку производились не нами и вне поля нашего зрения: колбаса делалась на мясокомбинате, пирожки — неизвестными торговцами с рынка, а американские джинсы привозились из «заграницы» и продавали в подворотне. С другой стороны, они были «своими», потому что существовали в нашем, советском пространстве и были предметами повседневного обихода. Но было и еще одно свойство у этих вещей — они воспринимались как источник опасности. Эта глава и посвящена вопросу, как и почему это произошло.

*Чистота и опасность по-советски,
или Зачем играть в сифака*

Почти каждый читатель этих строк, который был советским школьником в 1980–1990-е годы, вспомнит, как он играл «в сифу» или «в сифака́». После звонка с урока кто-нибудь

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49**